

ЕКАТЕРИНА МОРДВИНЦЕВА

АДСКАЯ ЛЮБОВЬ,
ИЛИ
ДЕМОН В ЛЮБВИ
НЕ ПОМОШНИК

Екатерина Мордвинцева

**Адская любовь, или Демон
в любви не помощник**

«Литнет»

2026

Мордвинцева Е.

Адская любовь, или Демон в любви не помощник /
Е. Мордвинцева — «Литнет», 2026

Что делает женщина, когда мир, который она строила годами, рушится в одночасье? Алиса делает то, на что никогда бы не решилась в здравом уме. Она взывает к древней силе. Не за мезтью, не за славой. За любовью. Но магия оборачивается иной стороной: тот, кого она призвала, оказывается не бездушной сущностью, а существом, уставшим от вечности и скуки. Теперь им предстоит выстроить общую реальность в старой квартире, полной призраков прошлого, с двумя собаками, которые первыми приняли в свою стаю нового члена.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	20
Глава 8	23
Глава 9	25
Глава 10	27
Глава 11	29
Глава 12	31
Глава 13	33
Глава 14	35
Глава 15	37
Глава 16	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Глава 1

День начался не просто плохо. Он начался с предчувствия. С того самого липкого, серого ощущения, которое оседает где-то под рёбрами с утра и шепчет: «Сегодня всё пойдет наперекосяк». Будильник, звенящий в крошечной тьме, потому что «срочный отчет» — который Олег Борисович запросил ещё в прошлый четверг и благополучно забыл — нужно было доделывать к утреннему совещанию. Я сидела за кухонным столом в холодной квартире, вцепившись в чашку с кофе, который не мог прогнать острую дрожь недосыпа. На экране ноутбука плясали цифры, сливаясь в безликие графики. За окном ещё не рассвело.

Автобус опоздал. Метро было переполнено до состояния консервной банки, где каждый — селёдка, вынужденная чувствовать дыхание и локти десятков других селёдок. Мужчина в дорогом пальто, не глядя, наступил мне на ногу острым каблуком и даже не обернулся. Боль, тупая и обиженная, пульсировала в ступне. Я смотрела в запотевшее окно вагона на мелькающие во тьме туннеля огни и думала: «Зачем?»

Работа. Пять лет в этой компании. Сначала — амбициозный младший аналитик, готовая горы свернуть. Потом — старший специалист, умело гасящий чужие костры. А теперь — просто Алиса, уставший винтик в механизме, который скрипит всё громче. Моё утро начиналось с отчёта и заканчивалось им же. Между ними — бесконечные совещания-спектакли, где важнее было не решить проблему, а красиво доложить о её «прогрессирующем решении», интриги коллег, мечтающих занять твоё кресло, и постоянный, фоновый гул недоумения: «Неужели ради этого я училась, мечтала, старалась?»

В четыре часа дня этот гул превратился в оглушительный рёв в моей голове. Я стояла в кабинете Олега Борисовича, и его голос доносился будто сквозь вату.

— ...абсолютно не соответствует ожиданиям! Где драйв? Где проактивность? — он размахивал распечаткой моих слайдов, буд это был не отчет о продажах, а обвинительный акт.

Солнечный луч, пробивавшийся сквозь жалюзи, поймал пылинки, танцующие в воздухе. Я засмотрелась на них. Такие лёгкие, такие свободные. А я здесь. Стою. И слушаю, как меня обвиняют в том, что я не вдохновила команду на «холодные звонки» — процедуру, по своей унизости сравнимую разве что с телепродажами скороварок.

— Олег Борисович, — мой собственный голос прозвучал странно спокойно, отстранённо, будто его издавало не моё тело. — Команда исчерпала лимит психологической устойчивости на прошлой неделе, после того как клиент посоветовал Анне «сжечь своё резюме и пойти в уборщицы». Данные по звонкам — лишь следствие. Я указывала на это в сопроводительной записке.

— Не нужно мне вашей психологии! — он швырнул бумаги на стол. — Нужны цифры! Результаты! Вы что, думаете, бизнес строится на жалости?

В груди что-то оборвалось. Не трос, а какая-то тончайшая, последняя нить, которая ещё связывала меня с этим местом, с этим человеком, со всей этой абсурдной игрой. Я почувствовала не ярость. Я почувствовала пустоту. Обширную, холодную и беззховую, как антарктическая равнина. Всё, что копилось годами — раздражение, усталость, попытки быть умнее, гибче, терпимее — провалилось в эту пустоту без следа.

Я посмотрела на Олега Борисовича. Не как на начальника, а как на биологический объект. На его лоснящуюся кожу, на золотую заколку на галстук, на маленькие, беспокойные глазки. И меня охватила не ненависть, а бесконечная, всепоглощающая скука. Скука от его заезженных фраз, от этой комнаты с пафосной мебелью, от предсказуемости всего этого действия.

— Вы знаете, — сказала я, и тишина после моего голоса повисла густая, осязаемая. Он замер, ожидая продолжения оправданий. — Вы абсолютно правы. Бизнес не строится на жалости. И знаете что ещё? Моя жизнь тоже.

Я сделала шаг к столу. Не порывистый, а медленный, уверенный. Положила перед ним свой пропуск. Пластиковая карточка с нелепо улыбающимся фото легла на полированное дерево с тихим щелчком.

— Я увольняюсь. С сегодняшнего дня. Прямо сейчас.

Его лицо совершило забавное путешествие от гнева к недоумению, затем к проблеску паники («кто же теперь будет делать отчёты?») и, наконец, к напускному высокомерию.

— Алиса, это несерьёзно. У вас контракт, проекты... Вы не можете просто взять и...

— Могу, — перебила я мягко. Взяла со стола свой блокнот, ручку с надкушенным колпачком. Всё своё. Фирменную кружку с логотипом компании я оставила. Пусть стоит тут, как памятник моим пяти годам. — Все текущие задачи описаны в файле «Передача дел» на общем диске. Пароль от моего архива — «холодные звонки123». Иронично, да?

Я развернулась и пошла к двери. Спина была прямая. Я ждала, что он крикнет, прикажет остановиться, пригрозит судом. Но за спиной повисла лишь гробовая тишина. Он был слишком ошеломлён. Я вышла в коридор, тихо прикрыв за собой дверь. Щёлк замка прозвучал громче любого хлопка.

В открытом пространстве офиса воцарилась мёртвая тишина. Десятки глаз, прилипших к мониторам секунду назад, теперь предательски скользили в мою сторону. Я прошла мимо рядов столов, как по подиуму. Не спеша. Подошла к своему бывшему рабочему месту. Огляделась: семейное фото в рамке (Миша и я в прошлом отпуске), засохший кактус, которого я упорно пыталась сохранить, пачка ярких стикеров, папка с надписью «Когда-нибудь». Жизнь в коробке размером метр на метр.

Я сложила фото и кактус в просторную сумку. Стикеры оставила. Папку «Когда-нибудь»... открыла. Там были эскизы дизайна для маленькой кофейни, которую я когда-то мечтала открыть, распечатанные статьи о курсах реставрации книг, несколько своих старых, наивных стихов. Я улыбнулась. И бросила папку в мусорную корзину. Со звонким, финальным стуком.

— Алис, ты чего? — прошептала Света с соседнего «кабины», её глаза были круглыми от ужаса и восхищения.

— Улетаю, Свет, — сказала я, и улыбка наконец-то стала настоящей, широкой, почти безумной от облегчения. — Вырываюсь из матрицы. Всем терпения и проактивности.

Я шла к лифту, и с каждым шагом будто сбрасывала невидимые гири. С плеч, с пояса, с щиколоток. Воздух, пахнувший кондиционером и дешёвым кофе, вдруг показался мне сладким. Лифт, плавно и бесшумно доставивший меня вниз, был похож на капсулу для побега.

Турникет пропустил меня последний раз, пискнув на прощание. И вот оно. Улица. Вечер. Прохладный ветерок, несущий обещание скорой весны, но сейчас ещё цепкий и холодный. Я остановилась на ступеньках, закрыла глаза и вдохнула полной грудью. В лёгкие ворвалась смесь выхлопов, влажного асфальта и сладковатого дыма от каштанов с ближнего лотка. Запах свободы. Или, как минимум, запах иного выбора.

В кармане завибрировал телефон. «Любимый». Миша. Сердце, привыкшее замирать от этой надписи, просто ровно и скучно простучало в грудной клетке. Я представила его голос: спокойный, рассудительный. «Алис, ты чего? Опять на нервах? Поговори с начальником, всё уладится. Не драматизируй». Он не поймёт. Не сразу. Но я объясню. Вечером, дома. Мы всё обсудим. Возможно, это знак — начать всё с чистого листа. Вместе.

Но прежде — дом. Дом. Где сейчас, запертые в четырёх стенах, меня ждут двое самых преданных существ на свете. Тень и Буря. Мысль о них обожгла теплом и острой, щемящей нежностью. Они не спросят про отчёты. Не осудят за импульсивность. Они встретят меня так

же, как встречают всегда: Буря — вихрем восторженного лая, подпрыгивая и пытаясь лизнуть в подбородок, Тень — сдержанно, но неотрывно следя за каждым моим движением, тычась влажным носом в ладонь. Им нужна еда, вода, долгая вечерняя прогулка в парке, где Буря будет носиться за голубями, а Тень — важно вышагивать рядом со мной, как телохранитель. Простые, ясные, честные потребности. В них было больше смысла, чем во всех квартальных планах вместе взятых.

Я поправила сумку на плече и решительно зашагала к автобусной остановке. Тень и Буря уже нарисовались в воображении так ярко, что я почти физически ощущала под пальцами шелковистую шерсть самоеда и плотную, короткую шерсть стаффа. Всё остальное — страх перед пустым счётом, недоумение родителей, необходимость искать новую работу — отодвинулось куда-то на задворки сознания, потеряв свою остроту.

Сейчас главное — добраться до них. До своей квартиры-крепости, до своего маленького, немого, но безусловно любящего мира. Остальное... остальное как-нибудь потом. Всё будет хорошо. Должно же быть.

Я села в подъехавший автобус, поймав в окне своё отражение: бледное лицо, тёмные круги под глазами, но в этих глазах, наконец-то, появилась не только усталость, а какая-то решимость. Или её призрак. Посмотрим, что из этого выйдет.

Глава 2

Автобус плелся в вечерних пробках, и каждая минута пути растягивалась, как горячая смола. Тот самый подъем, эйфория от своего смелого поступка, начал потихоньку оседать, уступая место смутной тревоге. А что, если Миша не поймет? Что, если он увидит в моем увольнении не шаг к свободе, а безрассудство? Я тряхнула головой, отгоняя мысли. Нет. Он мой жених. Он любит меня. Он всегда говорил, что главное — быть счастливой. Сейчас я была скорее опустошенной, чем счастливой, но это был шаг в правильном направлении. Он должен был это оценить.

Я почти бежала от остановки до своего дома — старого кирпичного пятиэтажного «сталинского» дома с толстыми стенами и высокими потолками. Бабушкина квартира на третьем этаже. Моя крепость. Моё единственное настоящее наследство, смесь пахнущих нафталином воспоминаний и моих собачьих, ещё не прижившихся вещей.

Поднимаясь по лестнице, я уже мысленно представляла гвалт, который поднимется за дверью. Буря услышит мои шаги на площадке второго этажа — у нее невероятный слух — и начнет радостно повизгивать и скрестись лапами по полу в прихожей. Тень, солидный и сдержанный, будет молча ждать у самой двери, лишь постукивая тяжелым хвостом по половичку.

Я вставила ключ в замок. Повернула. Тишина.

Ни визга, ни стука хвоста, ни нетерпеливого поскуливания. Только гулкая тишина старого дома. Меня на секунду кольнуло недоумение. «Уснули, что ли?»

Я толкнула дверь и переступила порог. В прихожей стоял густой, мягкий сумрак. И в этом сумраке замерли две фигуры.

Тень и Буря.

Они не бросились мне навстречу. Они стояли бок о бок, преграждая путь в гостиную, как живой барьер. Буря, моё обычно белоснежное, пушистое облако, была вся ошетинена. Губы чуть оттянуты, обнажая крепкие белые зубы. Из её горла доносилось тихое, непрерывное ворчание — не игривое, а низкое, предупреждающее. Её хвост, обычно закрученный бубликом над спиной, был опущен и напряжен. Тень, моя чёрная тень, была воплощением ледяной концентрации. Она стояла, чуть выставив вперёд мощную грудную клетку, её мускулы играли под короткой шерстью. Голова опущена, взгляд прикован не ко мне, а к двери в спальню, которая была приоткрыта. Она молчала, но этот молчаливый, готовый к взрыву покой был страшнее любого рыка. Лишь её глаза, мелькнув в мою сторону на секунду, выразили что-то невыразимо сложное: тревогу, преданность и... предостережение.

Лёд тронулся где-то глубоко внутри, у самого сердца.

— Что с вами, ребята? — прошептала я, сбрасывая сумку. Моя рука сама потянулась к выключателю, но я замерла.

И тогда я услышала.

Из-за приоткрытой двери спальни доносились голоса. Негромкие, но отчётливые в звенящей тишине квартиры. Голос Миши. И... смех. Звонкий, знакомый до боли смех. Леры. Моей Леры. Лучшей подруги со школы.

«Но... она же сегодня в смену, — тупо промелькнула мысль. — У неё суточные в больнице...»

Я застыла, как истукан. Ноги не слушались. Собаки не сводили с меня глаз, их ворчание стало единственным звуком в моей вселенной, пока я пыталась расшифровать обрывки фраз.

— ...да, конечно, всё идёт по плану, — говорил Миша, его голос звучал так расслабленно, так самоуверенно, каким никогда не звучал со мной в последнее время. — Регистрация через три недели. После этого — стандартная процедура.

— А она? — голос Леры, чуть насмешливый, снисходительный. — Не заподозрит?

Мой жених. Моя лучшая подруга. В моей спальне. Обсуждают... «регистрацию». «План». «Её».

Воздух вдруг стал густым и липким, как сироп. Я не могла дышать.

— Что она может заподозрить? — Миша фыркнул. Звук этого фыркания, такого знакомого и такого вдруг чужого, пронзил меня насквозь. — Она сейчас целиком в своих проблемах с работой. Мечтательница. Витает в облаках. Да и квартиру она уже оформила. После свадьбы половина автоматически моя. А через полгода... ну, ты понимаешь. Несоответствие характеров. Она сама будет рада разбежаться.

«Полгода... разбежаться...»

— Главное — выдержать эти полгода, — сказала Лера, и в её голосе послышался металл. — Я уже не могу смотреть на её наигранный восторг по поводу «платьев и цветочков». И эту её дурацкую квартиру с хламом...

— Терпение, солнышко. Терпение и деньги делают своё дело. Потом сделаем ремонт, продадим или сдадим. Начнём всё с нуля. Как и хотели.

«Солнышко». Он называл так только меня. Или я так думала.

В ушах зазвенело. Зрение поплыло, края мира потеряли чёткость. Я обхватила себя руками, пытаюсь удержать в груди что-то, что грозило разорваться на миллионы острых осколков. Я смотрела на Тень и Буря. Они смотрели на меня. Их рычание смолкло. В глазах Тени была бездонная, собачья скорбь. Она всё знала. Они обе знали с самого начала, с того момента, как эти двое переступили порог. Чували ложь и подвох, который моё человеческое, доверчивое сердце отказалось признать.

Я сделала шаг. Потом ещё один. Ноги несли меня сами, будто по палубе тонущего корабля. Я прошла мимо своих псов, моих верных стражей, которые теперь лишь глухо заворачивали, следуя за мной. Я подошла к двери в спальню. Рука сама легла на холодную фурнитуру.

И я толкнула дверь.

Они сидели на краю моей постели, на бабушкином лоскутном покрывале. Миша, в своей домашней футболке, обнимал за плечи Леру. На её пальце, прижатом к его груди, блеснуло что-то знакомое. Солнечный зайчик от моего кольца. Того самого, с сапфиром, которое он подарил мне на помолвку и которое я сняла сегодня утром перед душем, оставив на туалетном столике.

Они обернулись на звук открывающейся двери. На их лицах застыли не ужас и не раскаяние. Сначала — просто раздражение от внезапного вторжения. Потом — стремительное, почти комичное изменение. Раздражение сменилось шоком, шок — паникой, паника — быстро лепящейся на ходу маской невинности.

— Алиса?! — выдохнул Миша, резко отстраняясь от Леры, как будто его ударило током. — Ты... что так рано?

Лера вскочила, инстинктивно заслонив руку с кольцом. Её лицо покрылось краской.

— Алисочка... мы... мы не ждали...

Я стояла на пороге. Всё внутри превратилось в лёд. В голове не было мыслей. Только белый, оглушительный гул. И ледяная, кристально-ясная тишина. Я смотрела на них. На этого человека, которому доверяла своё будущее. На эту девушку, которой поверяла все свои тайны и страхи.

И тишина внутри меня треснула.

Не криком. Первыми наружу вырвались слова. Тихие, ровные, обточенные тем самым льдом, что сковал всю мою душу.

— Вон, — сказала я. Всего одно слово. Но оно прозвучало так, что Миша вздрогнул. — Из моей спальни. Из моей квартиры. Сейчас же.

«Солнышко». «План». «Полгода». «Дурацкая квартира с хламом».

Каждое услышанное слово складывалось в идеальный, смертоносный пазл предательства. И картина была уже готова. Я смотрела на неё, и мне не было больно. Пока нет. Была только вселенская, абсолютная пустота, куда сейчас и проваливалось всё, во что я верила.

Глава 3

Слово «Вон» повисло в воздухе комнаты, тяжелое и неоспоримое, как приговор. Оно, казалось, даже изменило давление в пространстве, сжав его вокруг двух людей на моей кровати.

Миша первым оправился от шока. Его лицо, изумленное и растерянное, начало быстро собирать привычную маску уверенности. Он поднялся с кровати, делая шаг ко мне, руки разведены в умиротворяющем жесте.

— Алиса, подожди, ты всё неправильно поняла! — его голос зазвучал тем проникновенным, «разумным» тоном, который всегда раньше меня успокаивал. — Лера просто зашла, у неё проблема с сантехникой, мы обсуждали...

— Обсуждали, как после свадьбы отождёте мою квартиру и подадите на развод? — вырезала я фразу ледяным лезвием своего голоса. Он дрогнул лишь на последнем слове. Я слышала себя со стороны: плоский, безжизненный тон, полный чего-то страшнее крика. Полного отсутствия веры. — Как я буду «рада разбежаться»? Как это «дурацкая квартира с хламом»? Я всё слышала, Миша. Каждое слово.

Лера, всё ещё алея пятнами на шее и щеках, попыталась вступить. Её голос прозвучал фальшиво-сочувственно:

— Алисочка, родная, это просто разговор... Мы же волновались о тебе! Ты так напряжена из-за работы, ты могла всё накрутить...

Я перевела на неё взгляд. Смотрела на эту девушку, с которой мы делили и радости, и горести десять лет. С которой плакали над разбитыми сердцами в университете, которую я вывозила из её семейных драм, которая знала обо всех моих страхах и мечтах. Я смотрела на её знакомые черты, и они казались мне вдруг маской, за которой скрывалось чуждое, расчетливое существо.

— Мое кольцо, — сказала я тихо. — Сними.

Лера инстинктивно сжала пальцы. Миша бросил на неё раздражённый взгляд.

— Боже, Алиса, она просто примерила! — он снова попытался подойти ближе, его рука потянулась, будто чтобы коснуться моего плеча, успокоить, подчинить себе ситуацию, как он делал всегда. — Не делай из мухи слона!

И в этот момент между нами вписалась тень.

Тень молча, с абсолютной, хищной грацией, шагнула вперед. Она не зарычала. Она просто встала, вполоборота, прикрывая меня своим мощным, черным как смоль корпусом. Её голова была опущена, взгляд, темный и неотрывный, устремлен прямо на Мишу. Из её сжатых челюстей вырвалось низкое, гулкое, обещающее предупреждение. Это не был лай. Это был звук, рождающийся глубоко в груди, звук первобытной территории, которую защищают. И он говорил яснее любых слов: «Шаг ближе — и будет больно».

Миша замер, рука повисла в воздухе. Его глаза расширились от изумления и... страха. Он всегда снисходительно называл Тень «бочкой на ножках», побаивался её сдержанной силы. И теперь эта сила встала против него.

Пока Тень блокировала Мишу, Буря, моя обычно миролюбивая и ласковая Буря, обрела голос. Она не стала вставать между мной и Лерой — она пошла в атаку. С тихим, яростным лаем, больше похожим на отрывистые укусы звука, она двинулась к подруге. Она не бросалась, нет. Она приближалась, оцетинившись, её белая шерсть стала колючим ореолом, голубые глаза, обычно полные глуповатой нежности, сверкали холодной сталью. Она лаяла, тыча мордой в воздух, заставляя Леру отшатнуться к окну.

— Да отзови ты своих тварей! — взвизгнула Лера, в её голосе не осталось и следа от искусственного сочувствия, лишь голая, неприкрытая злоба и страх.

Слова «твари» прозвучали для меня последней каплей. Но также они стали искрой, которая разожгла не ярость, а какую-то иную, холодную и ясную силу. Я почувствовала, как спину распрямляют невидимые стержни. Я не одна. Мои собаки, эти преданные сердца, видели правду раньше меня. И теперь они встали на мою защиту. Их животная, чистая верность была громче любых оправданий, искреннее любых клятв, данных здесь, в этих стенах.

— Они не твари, — мой голос обрёл металлическую твёрдость. — Они единственные, кто в этом доме ведёт себя честно. А вы... вы падаль. Оба.

Миша, оправившись от шока перед Тенью, попытался перейти в наступление. Его лицо исказилось обидой и гневом.

— Вот всегда так! Ты сразу в крайности! Накрутила себя, теперь оскорбляешь! Мы строили планы! У нас была свадьба через три недели! И ты из-за какой-то глупой ревности...

— Ревности? — я рассмеялась. Сухо, отрывисто. Звук был неприятный, как скрип ржавого железа. — О, нет. Это не ревность. Это просветление. Это как грязь стерли с окна, и я наконец увидела, что стоит за вашими улыбками. Вы — договорились. За моей спиной. Используя мою доверчивость, мою квартиру, мои чувства. Вы обсуждали, как по-тихому меня обобрать и выбросить. Это не ревность, Миша. Это предательство. В чистом виде.

Я сделала шаг вперед, минуя Тень, которая тут же двинулась со мной, бок о бок. Я смотрела ему прямо в глаза, и видела, как в его взгляде трещит та самая маска. Появляется растерянность, злоба мелкого человека, пойманного с поличным.

— Всё, что было между нами, — произнесла я четко, отчеканивая каждое слово, — было ложью с твоей стороны. Или самообманом с моей. Не важно. Кончено. Забери свои вещи. То, что успел тут затащить. И уходи. И больше никогда не появляйся.

— Ты не можешь просто так выгнать меня! — закричал он, тщетно пытаясь вернуть себе утраченный контроль. — У меня тут вещи! Мы планировали...

— Планы отменяются, — перебила я. — Как и помолвка. Кольцо, Лера, вынь из кармана и положи на тумбу. Сейчас.

Лера, под давлением неотступного, рычащего Бури, с ненавистью вытащила кольцо и швырнула его на комод. Оно звякнуло, покотившись.

— Вещи свои забирай в течение часа. Что останется — выброшу в мусоропровод. Или, может, отдам бомжам. Как тот хлам, что ты так не любишь.

Процесс изгнания занял сорок минут. Самые унижительные, мерзкие сорок минут в моей жизни. Я стояла в дверном проеме гостиной, скрестив руки на груди, наблюдая, как эти двое, теперь уже молча и избегая взглядов друг друга, сгребают свои разрозненные вещи. Миша — дорогую электробритву, зарядки, пару кроссовок, которые он хранил тут. Лера — забытую помаду, зарядку от телефона, книжку, которую якобы «одолжила».

Собаки не отходили от меня ни на шаг. Тень, как тень, действительно. Буря время от времени издавала низкое ворчание, если кто-то из них делал слишком резкое движение. Они были моей стражей, моим живым щитом и моим моральным оправданием. Их молчаливая поддержка была единственным, что не давало мне рухнуть на пол и разбиться в лепешку от той боли, что уже начинала подниматься из-под ледяного панциря шока.

Когда они, наконец, с двумя неполными сумками, замерли в прихожей у выхода, Миша в последний раз попытался что-то сказать. Он обернулся, и в его взгляде было странная смесь: остатки злости, растерянность и... что-то похожее на сожаление. Не о содеянном. О том, что план рухнул.

— Алиса... — начал он.

— Выйди, — сказала я. Просто. Без пафоса. — И закрой дверь с той стороны.

Он задержал взгляд на мне, на моих собаках, стоящих по бокам, будто свита королевы, изгоняющей предателей. Он что-то хотел сказать, но увидел что-то в моих глазах — ту окон-

чательную, бесповоротную пустоту, — и слова застряли у него в горле. Он резко развернулся, толкнул Леру в спину, чтобы та вышла первой, и шагнул за порог.

Дверь захлопнулась.

Щелчок замка прозвучал громче, чем любой хлопок.

И сразу же — тишина. Гробовая, всепоглощающая, давящая. Шум улицы, до этого бывший просто фоном, исчез, заглушённый толщиной стен и тяжестью случившегося.

Я стояла, прислушиваясь к этой тишине. К пустоте, которая теперь была не только вокруг, но и внутри. Всё, во что я верила, на что строила ближайшее будущее, рассыпалось в прах за один вечер. Работа. Любовь. Дружба. Всё.

И тогда лед внутри треснул.

Первой подкосилась правая нога. Я прислонилась к косяку, сползая по нему, пока не оказалась на холодном полу прихожей. Дыхание перехватило. Не рыдания — их ещё не было. Это были сухие, болезненные спазмы, вырывавшиеся из груди вместе с воздухом. В глазах потемнело.

И тут они пришли. Обе.

Тень легла рядом, вытянув свою тяжелую, теплую голову мне на колени. Она не лизала меня, не сутилась. Она просто легла, всем своим весом, всем своим теплом, давая понять: я здесь. Я никуда не уйду. Её темные, умные глаза смотрели на меня с бездонным пониманием.

Буря, вся её воинственная поза исчезла, подползла с другой стороны. Она тыкалась мокрым, холодным носом в мою щеку, в подбородок, в руки, скулила тихо, жалобно, ища контакта. Потом она легла, прижавшись всем своим пушистым, согревающим боком ко мне, и положила свою морду на ноги рядом с головой Тени.

Я обняла их. Одной рукой — плотную, мускулистую шею Тени, другой уткнулась в мягчайшую шерсть Бури. И только тогда потекли слезы. Тихие, беззвучные, бесконечные. Они текли и текли, смывая остатки шока, макияжа и последние иллюзии. Я плакала в шерсть своих собак, а они молча принимали мою боль, деля со мной эту леденящую пустоту.

Мы сидели так, кажется, вечность. В темнеющей прихожей. Трое изгоев в опустевшей крепости. У меня не было больше ничего. Ни работы, ни любви, ни дружбы.

Но у меня были они. Два верных сердца, бьющихся в такт моему отчаянию. Дыхание Тени, глубокое и ровное. Тихое поскуливание Бури. Их тепло, пробивающееся сквозь вату онемения.

Это было всё. И в тот момент этого «всего» — этой немой, безоговорочной преданности — было больше, чем всего, что я только что потеряла.

Глава 4

Время потеряло всякий смысл. Мы сидели на холодном кафельном полу прихожей — я, обхватившая колени, Тень, прижавшаяся могучим боком ко мне, и Буря, чья пушистая голова так и не сдвинулась с моих колен. Её тёплое, размеренное дыхание было единственным ритмом в застывшем мире. Я плакала до тех пор, пока слёзы не кончились, оставив после себя пустоту ещё более бездонную, чем прежде. Теперь оставалась только сухая, глухая дрожь где-то глубоко внутри, будто сломанный моторчик.

Шок отступал, медленно, как мороз после ледяного дождя, обнажая ландшафт полного опустошения. Работа — её не было. Любовь — оказалась ядовитой личиной. Дружба — гнилой изнутри. Всё, к чему я прикасалась сегодня, рассыпалось в прах. И осталась я. Сидящая на полу в полутьме. И двое собак.

Их тепло было не просто комфортом. Это был якорь. Единственная точка соприкосновения с реальностью, которая не пыталась меня обмануть или причинить боль. Плотная, упругая шерсть Тени под моей ладонью, шелковистые белые завитки за ухом Бури под моими пальцами — вот она, правда. Простая, безоценочная, вещественная. Они дышали, они были живы, они были здесь. И пока они были здесь, и я должна была быть здесь. Для них.

Постепенно, через онемение, начали пробиваться другие ощущения. Холод от кафеля, пробивающийся сквозь тонкую ткань брюк. Тупая ноющая боль в висках. Давление от тишины — она была теперь слишком громкой, насыщенной эхом только что произнесённых слов, предательского смеха, хлопнувшей двери.

Я наконец подняла голову. Мой взгляд медленно проплыл по знакомой прихожей. Бабушкина квартира. Моя квартира. Их будущее «гнездо», которое нужно было «отжать» и «отремонтировать». Гнев на секунду кольнул горячей иглой, но тут же угас, не найдя сил для горения. Осталась лишь горечь.

Мне нужно было встать. Нужно было двигаться. Иначе сознание начнёт уплывать в тёмные воды, из которых я, возможно, уже не выберусь.

— Ладно, ребята, — мой голос прозвучал хрипло, чужим. Я почесала Буре за ухом, провела ладонью по широкому лбу Тени. — Всё. Концерт окончен. Остались только мы.

Я оперлась о Тень, и та, почуяв моё намерение, мягко подалась, помогая мне подняться. Ноги затекли и плохо слушались. Буря тут же вскочила, виляя хвостом, но не с привычной беззаботной радостью, а с настороженной, вопрошающей надеждой. «Что будем делать?» — словно спрашивали её глаза.

Я сделала несколько шагов, будто заново учась ходить, и вошла в гостиную. Комната погружалась в сумерки. Длинные тени от бабушкиного серванта с гранёными стеклянными дверцами ложились на пол, сливаясь с общим мраком. Воздух здесь пах по-другому. Не моим недавно купленным диффузором с ароматом ванили, а чем-то древним, глубоким: воском от старых свечей, пылью на книгах, сухими травами и... памятью. Запах бабушкиного мира, который я так и не успела до конца понять и в который так рьяно пыталась привнести что-то своё, современное.

Я включила свет. Одна лампа под абажуром с бахромой. Мягкий, тёплый свет выхватил из темноты островки знакомого хаоса. Квартира была потрёпана. Не в смысле ветхости — стены были крепкие, потолки высокие. Но она была недоделанной. Полосы обоев, содранные в одном углу, кучи шпаклёвки в другом. На полу — защитная плёнка, покрытая слоем белой пыли. Бабушкина мебель, тёмная, массивная, заставленная коробками с моими вещами, смотрелась сиротливо и нелепо. Я въехала сюда месяц назад, полная планов. Планировала делать ремонт постепенно, своими силами, с помощью Миши... С помощью Миши. Горькая усмешка вырвалась наружу. Ещё один план, потерпевший крушение.

Я прошла по комнате, прикасаясь к вещам. Пальцы провели по резной спинке дивана, на котором бабушка рассказывала мне сказки. По холодной поверхности мраморного подоконника. По стопке книг на этажерке — старые романы, справочники по садоводству, сборник стихов Ахматовой с закладками из высушенных цветов.

Собаки шли за мной по пятам. Тень — молча, её когти тихо цокали по плёнке. Буря — время от времени тычась носом в мою ладонь, проверяя связь.

Я подошла к серванту. За стеклом, покрытым лёгкой паутинкой, стоял тот самый «хлам», который так презирала Лера. Фарфоровые пастушки с отбитыми пальцами. Серебряная ложечка в футляре. Пожелтевшая фотография в рамке — бабушка в молодости, строгая, с пронзительным взглядом. Статуэтка кота с отбитым ухом. Каждая вещь — не просто безделушка. Это была веха, история, прожитая жизнь, которую кто-то счёл ненужным старьём.

«Дурацкая квартира с хламом...»

Слова отозвались эхом, и на этот раз они не причинили боли. Они вызвали что-то вроде холодного, спокойного бешенства. Как смели? Как смели они, эти чужие, входящие сюда с ложью в сердце, судить то, что было для меня последним причалом? Этот «хлам» был честнее их. Он не умел лгать. Он просто был. Свидетелем. Хранителем.

Я опустилась на пол прямо у серванта, прислонившись спиной к его твёрдому боку. Тень тут же улеглась рядом, положив голову мне на ноги. Буря свернулась калачиком с другой стороны, закрыв морду пушистым хвостом. Мы образовали маленький, тёплый островок посреди незавершённого ремонта и распакованных коробок.

Я обняла Тень, уткнувшись лицом в её шею. Она вздохнула, и всё её мощное тело расслабилось, доверяя мне свой вес. Вот она, моя реальность. Не карьерные взлёты, не блеск свадебного платья, не посиделки с подругой за вином. А это. Тихий вечер в полуразрушенном, но своём пространстве. Пыль на полу. Запах старых книг. И двое существ, чья любовь не зависела от моей зарплаты, социального статуса или наличия брачного контракта.

Из окна дул лёгкий сквозняк, заставляя колыхаться бахрому на абажуре. Где-то далеко завывала сирена. Жизнь города шла своим чередом, не обращая внимания на мою личную катастрофу. И это, как ни странно, успокаивало. Мир не рухнул. Он просто слегка изменился. Вывернулся наизнанку, показав свою изнаночную, подлую сторону. Но он продолжал существовать. И мне предстояло в нём как-то существовать дальше.

— Завтра, — прошептала я в шерсть Тени. — Завтра нужно будет... купить вам корм. Выгулять. Может быть... начать разбирать эти коробки.

Ответом мне было лишь её спокойное дыхание и тихое посапывание Бури. Этого было достаточно. Пока достаточно.

Мы просидели так ещё очень долго, пока тени не слились в одну сплошную темноту за окном, и только наш островок оставался в круге мягкого, жёлтого света. Крепость была повреждена, её гарнизон предан, но флаг — в виде двух спящих собак и одной бодрствующей, потерявшей всё девушки — ещё не был спущен. Стены, эти старые, молчаливые стены, видевшие и радость, и горе, казалось, обнимали нас. Они помнили бабушкины песни, мамин смех, мои детские шаги. И теперь они будут помнить это тихое, горькое вечернее бдение.

Впервые за этот бесконечный день я почувствовала не боль, а странную, отрешённую ясность. Всё, что могло рухнуть — рухнуло. Остался только этот пол, эти стены, эти собаки. И я.

С этого, пожалуй, можно было начать.

Глава 5

Ночь опустилась на квартиру как тяжелое, влажное одеяло. Свет одной лампы в гостиной уже не мог разогнать мрак, заползавший в углы и пустоты. Я перебралась с пола на бабушкин диван, укрывшись старым пледом с запахом лаванды. Тень устроилась у моих ног, Буря — на коврике рядом, свернувшись в белый пушистый комок. Формально мы готовились ко сну. Но сон стал врагом.

Как только я закрывала глаза, за веками немедленно разворачивался кинозал. Не сцены, а обрывки. Жест Мишиной руки, обнимающей Леру за плечи. Блеск моего кольца на её пальце. Искривленные гримасой ложной невинности лица. Слова. Слова, слова, слова... «По плану... дурацкая квартира... через полгода...» Они накатывали приливами, жгли изнутри, заставляя сердце колотиться так, будто я бежала марафон, лёжа неподвижно.

Я ворочалась. Плед сбивался. Тень вздыхала, поправляясь. Буря тихо поскуливала во сне, дергая лапами — может быть, ей снилось, что она гонит Леру прочь.

Онемение, в котором я пребывала вечером, растаяло без следа. Теперь его место заняла боль. Острая, точечная, как раскаленная игла, вонзающаяся то в грудь, то в горло, то сжимающая виски. Она не давала дышать. Я вставала, ходила по комнате, прислушиваясь к скрипу половиц под ногами. Останавливалась у окна, глядя на спящий двор, на одинокий фонарь, под которым кружилась метель из мошкар. Их жизнь была простой: лети на свет, бейся о стекло, умри. Моя оказалась сложнее, но не менее абсурдной.

Я попыталась думать о практичных вещах. О деньгах. О поиске работы. О том, как довести ремонт одна. Но мысли тут же увязали в трясине «почему?». Почему он? Почему она? Что я сделала не так? Может, я была слишком поглощена работой? Или недостаточно внимательна? Может, сама неосознанно толкнула их друг к другу? Самобичевание было сладким ядом. Оно хоть как-то структурировало хаос, давая иллюзию контроля: если это моя вина, значит, я могла это предотвратить. Значит, мир всё ещё логичен.

Но затем на смену боли приходила ярость. Глухая, слепая, животная. Она стучала в висках, сжимала кулаки до побеления костяшек. Я представляла, как врываюсь к Мише, как разбиваю его самодовольное лицо. Как кричу Лере в лицо всё, что думаю о её подлой, пресмыкающейся душе. Ярость была энергичной, она требовала действия. Но действия не было. Была лишь ночь, тишина и беспомощность. И от этого ярость, не найдя выхода, закипала внутри, превращаясь в новую волну беспомощной, удушающей боли.

Порочный круг. Спираль, затягивающая на дно.

Желудок свело от голода — я не ела с обеда, — но мысль о еде вызывала отвращение. Горло сжималось при одной идее проглотить кусок. Даже вода казалась безвкусной и тяжёлой.

В какой-то момент, около двух ночи, яростная волна отчаяния достигла пика. Рука сама потянулась к телефону, валявшемуся на тумбочке. Разум кричал, что это безумие, самоубийство. Но сердце, это предательское, глупое сердце, цеплялось за последнюю соломинку: а вдруг? Вдруг это был кошмар? Вдруг он ответит и скажет: «Алиса, это недоразумение, я люблю только тебя, Лера сама всё придумала»?

Я набрала его номер. Рука дрожала. Гудки прозвучали в тишине комнаты оглушительно громко. Раз. Два. Три. На четвертом гудке соединение прервалось. «Абонент не отвечает». Я позвонила снова. То же самое. В третий раз телефон был уже выключен.

Он отключил телефон. Чтобы я не мешала. Чтобы не мешала ему... быть с ней. Эта простая, бытовая детень — отключённый телефон — добила меня больше, чем всё, что я слышала днём. Это был окончательный, технологический жест разрыва. Меня стёрли из его реальности, как ненужный контакт.

Слезы снова навернулись на глаза, но теперь они были горячими от стыда и унижения. Как я могла? Как могла так унизиться?

И тогда, в этом состоянии предельного надлома, я, словно мазохист, потянулась к своему ноутбуку. Я открыла соцсети. Сначала его страницу. Ничего нового. Старые фото, нейтральные посты. Потом её. Тоже тишина. Но у меня в друзьях была не только она. Были общие знакомые. И я, движимая каким-то тёмным, саморазрушительным инстинктом, начала копать. Просматривать лайки, комментарии, отметки на фото.

И нашла.

Не сразу. Но нашла. Переписку в комментариях под старыми, невинными фотографиями с наших же совместных посиделок. Сначала нейтральные. Потом — с намёками. Смайлики с подмигиванием. Шутки, понятные только двоим. Даты... Боже, даты! Это началось полгода назад. Как раз когда мы с Мишей начали активно планировать свадьбу и обсуждать, как я перееду в его квартиру, а эту, бабушкину, будем сдавать или продавать после ремонта. Оказывается, они в это же время планировали своё.

Я пролистывала, и куски пазла, уродливого и отвратительного, складывались в единую картину. Вот он хвалит её новую причёску (я тогда ревновала по-смешному, думала, он просто старается быть милым с моей подругой). Вот она пишет под его фото с нашей поездки: «Завидую тому, кто рядом с тобой» (я лайкнула этот комментарий, считая его милой шуткой!). Вот они договариваются в комментариях «заскочить на кофе», когда я на работе. Всё было на виду. На самом виду! А я, слепая, доверчивая дура, ничего не замечала. Или не хотела замечать.

Меня вырвало. В буквальном смысле. Я едва успела добежать до ванной комнаты и опустошить и без того пустой желудок сухими, мучительными спазмами. Тело отвергало не только пищу, но и эту ядовитую правду.

Я сидела на холодном кафеле ванной, обхватив голову руками. Тень и Буря стояли в дверях, скуля от беспокойства. Их взгляды были полны такой немой тревоги, что мне стало стыдно. Стыдно за свою слабость, за эту истерику, за то, что я заставляю их волноваться.

«Всё, — прошипела я себе сквозь зубы, вытирая рот. — Всё, хватит. Хватит себя жалеть. Хватит копать в этом дерьме».

Но как остановить эту карусель? Как выключить этот невыносимый внутренний диалог? Разум был на грани. Ещё немного — и я либо взвою, как раненый зверь, либо действительно сойду с ума, запертая в этой квартире с призраками предательства.

Тогда, почти машинально, мой взгляд упал на грудку коробок в углу гостиной. На те самые, с бабушкиными вещами, которые я планировала разбирать «как-нибудь потом». Потом наступило.

Нужно было занять руки. Любой ценой. Нагрузить их работой, чтобы они отняли энергию у мозга, у сердца, у этой вечно жующей себя боли. Нужно было физическое, простое, понятное действие. Разобрать, рассортировать, вытереть пыль. Что-то, что можно было бы потрогать, увидеть результат. Иначе — пропасть.

Я поднялась с пола, шатаясь. Подошла к коробке, на которой было криво написано маркером: «Баб. книги и разное».

— Ладно, — хрипло сказала я своим тихим, но внимательным слушателям. — Хватит ныть. Давайте работать.

Я разорвала скотч. Пахнуло пылью, временем и тайной. Я не знала, что найду. Но мне было всё равно. Лишь бы это отвлекло. Лишь бы это заставило мои дрожащие руки делать что-то, кроме как набирать ненавистный номер или листать страницы, полные яда.

Ночь была в разгаре. Спираль отчаяния ещё не разжала свои витки. Но в ней появился крошечный, едва уловимый крючок — действие. Первая попытка не упасть, а выкарабкаться. Пусть даже в полной темноте и не зная направления.

Глава 6

Первая коробка оказалась самой простой. Старые журналы «Работница» и «Наука и жизнь», аккуратно перевязанные бечёвкой. Я вытащила их и поставила рядом. Действие было механическим, почти ритуальным: открыть, достать, поставить. Никаких мыслей. Только движение рук. Пыль щекотала нос, оседала на рукавах. Тень, привлечённая новым занятием, прилегла рядом, положив голову на лапы, и наблюдала. Буря, вечная непоседа, обнюхала стопку журналов, чихнула и уткнулась носом в следующую коробку, тыкаясь в неё и поглядывая на меня: «В этой, наверное, интереснее!»

Вторая коробка была тяжелее. Из неё пахло сушёными травами, ладаном и старым деревом. Я вынимала содержимое медленнее, уже не просто чтобы занять руки, а потому что предметы требовали внимания. Сперва пошли фотоальбомы в потрёпанных кожаных переплётках. Я открыла один на середине. Чёрно-белый снимок. Бабушка, совсем молодая, строгая и невероятно красивая, стоит у открытого окна этой самой квартиры. Взгляд у неё прямой, пронзительный, будто она видит не фотографа, а что-то за его спиной. Что-то, чего другие не замечают.

Я всегда считала её чудаковатой. В хорошем смысле. Она могла часами сидеть в тишине, глядя в угол, а потом сказать: «Тихо сегодня гость на печной трубе. Дремлет». Или, собирая меня в школу, могла провести рукой над моей головой, шепча что-то на непонятном языке, а потом с улыбкой пояснить: «Защиту ставлю, солнышко. От сглазу и пустых слов». Я смеялась, целовала её в морщинистую щёку и считала это милыми старушечьими бзиками. Деревенской магией, суевериями. Теперь, касаясь этих фотографий, я ловила себя на мысли: а что, если это было не просто суеверие? Что, если за её словами стояло знание? Пусть даже наивное, но искреннее знание о мире, который куда сложнее, чем кажется.

Под альбомами лежали письма. Конверты с пожелтевшими марками, адресованные ей, ещё девичьей фамилией. Я развернула одно наугад. Мужской почерк, витиеватый, полный страсти и... предостережений. «...и помни, Елена, дверь, однажды открытую, следует держать на замке. Даже если тот, за порогом, сладкоголос. Особенно если сладкоголос...» Письмо обрывалось. Я положила его обратно, чувствуя легкий озноб. О каком «пороге» шла речь?

Далее пошли безделушки. Настоящий, как сказала бы Лера, «хлам». Но теперь я видела в нём нечто иное. Фарфоровая шкатулка в виде совы, у которой один глаз был из полупрозрачного янтаря. Деревянная резная шкатулка, покрытая сложным узором из переплетающихся змей и цветов. Когда я взяла её в руки, Тень вдруг подняла голову и настороженно наклонила её, уловив какой-то незнакомый запах. В шкатулке лежали засушенные цветы, странного вида, которые я не могла опознать, и несколько перьев — чёрное воронье и одно, ярко-синее, похожее на перо сойки, но слишком большое и идеальное.

Я открывала коробку за коробкой. Моё отчаяние, моя боль, мой позор — всё это отступило на второй план, придавленное тяжестью открывающегося прошлого. Бабушка представляла передо мной не просто милую старушкой, а хранительницей. Хранительницей чего? Тайн? Знаний? Или просто памяти о чём-то, что город давно забыл?

В одной из коробок, на самом дне, под стопкой вышитых салфеток, я нашла небольшой деревянный ларец, окованный потускневшей медью. Замок был простым, но заржавевшим. Я потянула крышку — не поддавалась. Потребовалось немного силы, и дерево с хрустом поддалось.

Внутри, на бархатной, выцветшей от времени подкладке, лежали предметы, от которых по коже побежали мурашки. Не от страха, а от осознания их явной, необыденной сущности. Небольшой кинжальчик с костяной рукоятью, на которой был вырезан все тот же узор из змей. Моток серебряной нити, тонкой, как паутина. Несколько гладких, отполированных временем камней с естественными отверстиями посередине — «куриные боги», как их называли

в деревнях, обереги. И маленькая, тёмная, похожая на смолу фигурка какого-то существа, не то собаки, не то гончей с неестественно вытянутой мордой. От неё пахло полыньё и холодным пеплом.

Буря, обнюхивавшая ларчик, вдруг отпрянула и зарычала, низко, почти как Тень. Не в агрессии, а в тревоге. Её белая шерсть на загривке встала дыбом. Тень поднялась и встала между мной и открытым ларцом, её тело напряглось.

— Что, ребята? — тихо спросила я. — Чуете что-то?

Они не отвечали, но их реакция была красноречивее слов. Эти вещи были не просто вещами. Они были заряжены. Напоминанием. Предупреждением.

«Незванные гости», — вспомнила я бабушкины слова. «Тихая магия».

Я сидела на полу, заваленная осколками прошлого, и чувствовала, как мое собственное горе начинает меняться. Оно не уменьшилось. Оно просто... отошло на шаг. Освободив место для жгучего, всепоглощающего любопытства и странного, щемящего чувства связи. Я держала в руках не «хлам», а ключи. Ключи к пониманию женщины, которую, как мне теперь казалось, я совсем не знала. Ключи, возможно, к чему-то большему.

В этой квартире, в этих стенах, под слоем штукатурки и пыли, жила не просто история семьи. Жила тайна. И пока я разбирала коробки, пока прикасалась к этим странным реликвиям, моё личное предательство начало казаться мне не концом света, а... дверью. Дверью в нечто абсолютно иное. Страшное? Возможно. Но честное. В отличие от лживых улыбок и лживых клятв, эти предметы не лгали. Они просто были. И ждали своего часа.

Я осторожно закрыла ларец. Рычание Бури стихло, но настороженность в её глазах не исчезла. Тень не легла, продолжая стоять на страже.

— Ладно, — прошептала я, глядя на разгром вокруг. — Ладно, бабуля. Что ты тут такое прятала?

Снаружи уже светало. Первые птицы защебетали за окном. Я не спала всю ночь, но не чувствовала усталости. Во мне горел новый огонь — не ярости и не отчаяния, а жажды понимания. Мне нужно было копать дальше. Глубже. Нужно было найти суть. Ту самую «тихую магию», о которой она говорила.

А где хранятся главные знания? В книгах.

Мой взгляд упал на последнюю, самую большую и неподъемную коробку в углу. Ту, из которой торчал угол старого, кожаного переплета.

Глава 7

Последняя коробка оказалась не из-под обуви или бытовой техники, а старым, отсыревшим деревянным ящиком, скреплённым по углам потускневшими металлическими уголками. Он весил так, будто был набит камнями. Я с трудом придвинула его к центру комнаты, подальше от любопытного носа Бури, которая тут же принялась обнюхивать старую древесину, фыркая от пыли.

Сердце почему-то забилося чаще. Не от страха, а от предвкушения. Это был азарт исследователя, нашедшего запечатанную гробницу. Тень, почуяв мое волнение, села прямо напротив, уставившись на ящик своими тёмными, непроницаемыми глазами.

Крышка не открывалась — она была прибита маленькими, почерневшими от времени гвоздями. Мне пришлось сходить на кухню за отверткой и плоскогубцами. Возня с гвоздями, скрип старого дерева, резкий запах плесени и чего-то горького, похожего на полынь, — всё это создавало ощущение святотатства. Я вскрываю капсулу времени, к которой, возможно, не должна прикасаться.

Последний гвоздь сдался с жалобным визгом. Я откинула крышку.

Внутри, плотно утрамбованные, лежали книги. Не современные издания, а тяжёлые фолианты в коже и потрёпанном картоне. «Травник и цветник» с пожелтевшими, исчерченными карандашом полями. «Сонник и толкование знамений» с выцветшими гравюрами странных существ. Сборник народных песен, где между строчками были вписаны мелким почерком непонятные слова. Я осторожно перекладывала их, складывая рядом. Воздух наполнился ароматом старой бумаги, кожи и той самой сухой, горьковатой травы.

И вот, почти на самом дне, мои пальцы наткнулись на переплёт иного качества. Он был меньше других, но плотнее, тяжелее. Кожа на нём была тёмной, почти чёрной, но не растрескавшейся от времени, а лишь слегка потёртой по углам, будто её часто брали в руки. На обложке не было ни названия, ни тиснения — только гладкая, холодная поверхность.

Я извлекла книгу. Вернее, это была не книга, а толстая тетрадь в кожаном переплёте, скреплённая прочным шнуром. Он был завязан сложным узлом, который я осторожно развязала — узёл поддавался неожиданно легко, словно ждал этого момента.

И открыла.

Первое, что бросилось в глаза — почерк. Он не был бабушкиным. Её письмо было округлым, аккуратным, учительским. А это — витиеватые, с острыми углами и длинными росчерками буквы, плясавшие по странице с какой-то торопливой, почти одержимой энергией. Чернила в основном были чёрными, выцветшими до коричневого, но кое-где вспыхивали вкраплениями тусклого красного и даже странного, синеватого оттенка.

Я не могла понять всё написанное. Это была смесь: староречье, украинские слова, обрывки латыни, а кое-что и вовсе было начертано алфавитом, который я не могла опознать — знаки напоминали то ли руны, то ли шифр. Но среди этой тайнописи, как маяки, всплывали понятные фразы. «Отвар для успокоения духа». «Знак, отводящий дурные сны». «Обряд очищения жилища».

Я листала страницы, зачарованная. Здесь были схемы расположения свечей, зарисовки лунных фаз, списки растений, которые нужно собирать в полнолуние или на рассвете. Тетрадь дышала знанием, но знанием тёмным, приземлённым, утилитарным. Это была не магия фей и эльфов, а ремесло. Суровая, практичная работа с невидимыми силами.

И вот, почти в самом конце, когда страницы стали ещё более ветхими, а почерк — ещё более неистовым, я наткнулась на чистый, резкий контраст.

Посреди витиеватой вязи, на правой странице, был аккуратен, чертами, которые казались вырезанными ножом, написан по-русски заголовок:

«ПРИЗЫВ ТОГО, КТО ДАЁТ»

Ниже, более мелко, но тем же твёрдым, безжалостным почерком:

«Обряд однократного испрашивания. Дающая рука отсекает взятое. Мера за меру. Слово за слово. Воля за волю».

А затем — сами инструкции. Чёткие, лаконичные, лишённые поэзии. Перечень необходимого: мел горный (не обычный!), семь свечей из чистого воска, зеркало «в которое смотрелась умершая при жизни», произнесение слов в «час меж псом и волком» (полночь?) в полном одиночестве. Схема круга со сложными, геометрически точными символами на каждой из семи точек.

И внизу страницы, поперёк текста, перекрывая собой часть инструкций, как кровавая печать, было выведено красными чернилами. Они не выцвели. Они пылали на старой бумаге, яркие и пугающие, будто их нанесли вчера. Предупреждение:

«ВНЕМЛИ, ПРИЗЫВАЮЩИЙ. ОН ДАСТ, НО ВОЗЬМЁТ ТЫСЯЧЕКРАТНО. ЖЕЛАЙ МУДРО, ИБО СЛОВО СТАНЕТ ПЛОТЬЮ. НЕ ЗОВИ ЕГО ИМЕНИ. НЕ ПОВОРАЧИВАЙСЯ СПИНОЙ. НЕ ИСПРАШИВАЙ БОЛЕЕ ОДНОГО. ОН — ПОСЛЕДНЯЯ ЧЕРТА. ПЕРЕСТУПИВ ЕЁ, НЕ ИЩИ ДОРОГИ НАЗАД. ДА ПРЕБУДЕТ В ТЕБЕ ВОЛЯ СТАЛЬНАЯ И СЕРДЦЕ, ЗАКОВАННОЕ В ЛЁД. АЗЪ ЕСМЬ ПРЕДУПРЕДИТЬ»

Последняя буква «ъ» была выведена с таким нажимом, что перо прорезало бумагу.

Я сидела, не дыша, вцепившись в страницы. Воздух в комнате будто сгустился, стал тяжелее. Лампа, освещавшая моё чтение, вдруг мигнула, на секунду погрузив всё в полумрак, а затем снова зажглась.

Тень глухо заворчала. Не на ящик, а на саму тетрадь, лежащую у меня на коленях. Буря прижалась ко мне, дрожа. Они чувствовали это. Энергию, исходившую от этих страниц. Это была не тёплая, домашняя магия трав и оберегов. Это было что-то иное. Острое, режущее, пахнущее озоном перед грозой и холодной медью.

«Он — последняя черта».

Слова жгли сознание. Это была не сказка. Это был механизм. Опасный, чудовищно точный. Пистолет, заряженный одним патроном. Последнее средство.

Именно это меня и привлекло.

В тот момент вся моя боль, унижение, чувство полной беспомощности и предательства столкнулись с этим холодным, металлическим текстом. «Воля стальная. Сердце, закованное в лёд». Разве я не была сейчас вся изо льда и горькой стали? Разве моя жизнь не перешла последнюю черту, когда за мной захлопнулась дверь?

У меня не было больше ничего терять. Ни работы, ни любви, ни веры в людей. Осталась только эта квартира, эти стены, эти странные реликвии. И эта тетрадь.

Мысль, дикая, безумная, не просто мелькнула — она укоренилась во мне, как лезвие в ране. А что если?..

Что если это не просто бред суеверных предков? Что если за этим стоит реальность? Такая же реальная, как подлость Миши и Леры, но только иная? Что если можно... потребовать? Взять то, чего мне так не хватало? Справедливости? Мести? Или... чего-то ещё?

Я осторожно закрыла тетрадь. Кожа переплёта была холодной, как плита надгробия. Красные буквы, казалось, жгли страницу изнутри.

— Последняя черта, — прошептала я в тишину комнаты. Голос звучал чужим, лишённым всякой эмоции.

Буря лизнула мою руку, пытаясь вернуть меня в реальность. Тень не сводила с тетради напряжённого взгляда.

Я положила находку рядом с собой на пол. Не назад в ящик. А рядом. Она уже не была частью бабушкиного прошлого. Она стала частью моего настоящего. Моим возможным будущим.

Снаружи давно рассвело. Пора было выгуливать собак, завтракать, делать вид, что жизнь продолжается. Но я знала, что всё изменилось. В моих руках оказался не просто старый текст. Это был выбор. Самый страшный и самый заманчивый из всех возможных.

Я поднялась с пола, оставляя тетрадь лежать на полу в круге света от лампы. Мне нужно было подумать. Но мысли уже были не о прошлом. Они были о будущем. О том, что я могу сделать. О той цене, которую, возможно, готова заплатить.

И красные буквы горели у меня в памяти, как клеймо: «Да пребудет в тебе воля стальная...»

Глава 8

День прошёл в тумане. Автоматические, заученные движения. Выгул собак в ближайшем сквере. Я шла, словно робот, а Тень и Буря, обычно рвущиеся вперёд, шли рядом, плотно прижимаясь к моим ногам, будто чувствуя, что я могу рассыпаться от порыва ветра. Я покупала корм и самые простые продукты — макароны, яйца, хлеб. Кассирша сказала что-то о погоде, я кивнула, не слыша.

Вернувшись в квартиру, я попыталась заняться хоть чем-то конструктивным. Открыла ноутбук, зашла на сайты по поиску работы. Рябящие строчки вакансий — менеджер, аналитик, специалист — вызывали физическое отвращение. Всё это теперь казалось частью того лживого, прогнившего мира, из которого меня вышвырнули. Я захлопнула крышку.

Попробовала взяться за уборку, начать сдирать старые обои в углу. Шпатель скребся по стене, обнажая слои истории: советские цветочки, довоенные газеты, клейстер. Но и это не помогало. Звук был слишком монотонным, одиночество — слишком громким.

И всё это время, фоном, на самой периферии сознания, тикала та самая мысль. Сначала робкая, почти стыдливая.

«А что если?..»

Я гнала её прочь. Это бред. Безумие. Наследственная шизофрения, спровоцированная стрессом. Бабушка со своими «незванными гостями», мама, всегда нервно крестившая окна на ночь, и теперь я — разбитая, одинокая, готовая поверить в сказку из старой тетради. Следующий шаг — надеть шапочку из фольги и начать разговаривать с потусторонними силами по рации.

Я открыла холодильник, чтобы приготовить себе хоть что-то, и увидела пустую полку, где обычно стояло его любимое пиво. Место, которое он занял. Как и место в моей кровати. В моей жизни. В моём будущем. Острая, режущая боль вернулась, свежая и невыносимая, словно рану тронули заново. Абсолютная несправедливость. Я работала, старалась, была верной, планировала, верила. А они... Они просто взяли. Взяли моё доверие, мою любовь, мои планы, насмеялись над ними в моей же спальне и выбросили меня, как использованную салфетку.

«Они забрали всё».

Мысль пронеслась, чёткая и ясная. Они забрали всё, что имело для меня значение в этом обычном, человеческом мире. Карьеру разрушила я сама, но почву для этого они подготовили — своим шепотом, своей ложью, своим предательством, которое высасывало из меня силы всё последнее время, а я списывала это на усталость от работы.

Я стояла перед открытым холодильником, и холодный воздух обдувал лицо. А потом другой голос, тихий, но настойчивый, возник внутри:

«Почему я не могу взять что-то?»

Не вернуть. Не отомстить. Взять. Просто взять для себя. Что-то, что принадлежало бы только мне. Что-то, что могло бы... заполнить эту ледяную пустоту. Дать сил не просто выживать, а жить. Или хотя бы создать такую иллюзию. Иллюзию силы, избранности, контроля над хоть чем-то в этом хаотичном, жестоком мире.

Мой взгляд сам потянулся к гостинной, где на полу, рядом с разобранными коробками, лежала та самая тетрадь. Я не убрала её. Она лежала там, как обвинение. И как обещание.

Я закрыла холодильник и медленно пошла в гостиную. Села на пол перед тетрадью, не открывая её. Тень подошла и лизнула мне запястье — сухое, нервное прикосновение. Буря уложила голову мне на колени, её тёплый, тяжёлый взгляд был полон вопроса.

— Ребята, — прошептала я. — Я, кажется, схожу с ума.

Но в этом признании уже не было ужаса. Была усталая констатация факта. А что, если безумие — это не крики и пена у рта? А что, если это — тихое решение переступить черту, которую все остальные считают нерушимой? Черту между реальным и невозможным.

Я открыла тетрадь. Снова на ту самую страницу. Красные буквы пылали.

«Он даст, но возьмёт тысячекратно».

Что он может взять у меня? У меня уже ничего нет. Ни карьеры, ни любви, ни веры в людей. Остались только собаки и эта квартира. Моя душа? Она уже изранена и частично разворована. Может, её уже не жалко?

«Желай мудро, ибо слово станет плотью».

Вот это пугало. Не туманные угрозы, а конкретика. Слово станет плотью. Желание материализуется. А если оно будет глупым, сиюминутным, продиктованным болью? Что тогда? «Мера за меру». Неравноценный обмен? Или справедливый? «Воля за волю». Моя сломанная воля в обмен на что? На его... демоническую?

Это была грань. Та самая. По одну сторону — смириться, плакать, пытаться собирать осколки, ходить к психологу, снова встраиваться в этот прогнивший мир, где тебя могут так легко предать. По другую... шагнуть в неизвестность. В тёмную, пахнущую озоном и старым пергаментом неизвестность. Рискнуть всем, чего уже почти нет, ради призрачного шанса взять.

Собаки притихли, чувствуя внутреннюю бурю. В комнате стемнело. Я не включала свет. Сидела в сумерках, пальцы водили по холодной коже переплёта.

Безумие ли это? Или отчаянная, последняя попытка здравомыслящего человека, загнанного в угол, найти рычаг, чтобы перевернуть свой мир?

Я вспомнила бабушкин спокойный, уверенный голос: «Не бойся, солнышко. Самое страшное — это не тени за дверью. Самое страшное — это пустота внутри. И иногда... чтобы заполнить её светом, нужно сначала впустить немного тьмы. Главное — оставаться хозяйкой на пороге».

Я никогда не понимала, что это значит. Сейчас, возможно, начинала.

Решение созревало не как вспышка, а как медленное остывание, кристаллизация. Оно становилось тяжёлым и неотвратимым, как камень на дне колодца.

Они забрали всё. Значит, мне нечего терять. А раз нечего терять — почему бы не попробовать сыграть в эту страшную, безумную игру? Хотя бы ради иллюзии выбора. Ради того, чтобы я что-то решила. Не они — а я.

Я подняла голову и посмотрела в окно, где зажигались первые огни. Грань была пройдена. Не в момент истерики, а в эту тихую, сумеречную минуту полного одиночества.

— Ладно, — сказала я пустой квартире. — Давайте проверим, бабуля, правду ли ты знала. Или это были просто сказки.

Голос не дрогнул. В нём слышался лишь холодный, стальной отзвук той самой «воли», о которой говорилось в предупреждении. Иллюзия контроля уже начинала работать. И в этом был свой горький, опасный кайф.

Я подошла к тетради и аккуратно вырвала страницу с ритуалом. Остальное можно было отложить. Мне была нужна только инструкция. План действий на одну ночь.

Глава 9

Листок с ритуалом лежал на кухонном столе, прижатый солонкой, чтобы не свернулся. Я пила свой третий чай без вкуса и запаха и поочерёдно смотрела то на эти странные инструкции, то на отражение в тёмном окне. В глазах у женщины в отражении горел странный огонёк — не здоровый азарт, а лихорадочный блеск последней ставки.

Скепсис, здоровый и циничный, не сдавался. Он шептал: «Ты серьёзно? Ты, Алиса, с двумя высшими образованиями, ветеран корпоративных войн, сейчас будете искать «горный мел» и свечи? Ты ударились головой об этот самый пол?»

Но другая часть, та, что была выжжена дотла и жаждала хоть какого-то чуда — или хотя бы мощной, разрушительной иллюзии, — парировала: «А что тебе терять? Гордость? Её уже не существует. Рассудок? Он и так на грани. Деньги? На свечи хватит».

Это был не диалог, а изматывающая душевная возня. Чтобы её прекратить, нужно было действие. Любое. Процесс. Как в работе: есть задача — выполнить пошагово.

Шаг первый: свечи. «Семь свечей из чистого воска». Я отправилась на балкон, где стояли коробки с оставшимся от бабушки барахлом. И, о чудо, в одной из них, аккуратно завернутые в пожелтевшую газету, нашлись свечи. Не магазинные парафиновые, а толстые, неровные, цвета слоновой кости, с тёмными вкраплениями пчелиного воска. Их было ровно семь. Они пахли мёдом и пылью. Скепсис фыркнул: «Совпадение». Надежда замерла в тихом трепете.

Шаг второй: мел. «Мел горный (не обычный!)». Тут пришлось лезть в интернет. Оказалось, это разновидность, которую используют в магических практиках, добывают в определённых местах. Заказать уже не успевала. Но, копавшись в ящике с бабушкиными швейными принадлежностями, я нашла маленький, истрёпанный мешочек из холста. В нём лежали несколько кусочков мела, но не школьного, а более плотного, с сероватым оттенком. Один из них был заострён, как карандаш. На мешочке была вышита руна, которую я опознала по тетради: знак «порога». Мурашки побежали по спине. Слишком много совпадений. Слишком целенаправленно всё складывалось, будто сама квартира выдавала мне нужные компоненты.

Шаг третий: зеркало. «В которое смотрелась умершая при жизни». Это было проще простого. В спальне стояло трюмо бабушки — огромное, в резной деревянной раме, с тёмным, слегка мутноватым стеклом. В нём точно смотрелась она. И, если верить семейным историям, её мать тоже. Зеркало было тяжёлым, полным отражений минувших лет. Я с трудом притащила его в гостиную, поставив напротив того места, где собиралась чертить круг.

Шаг четвёртый: место и время. «В час меж псом и волком». Полночь. «В полном одиночестве». С собаками пришлось договориться. Я отвела их в спальню, дала их любимые лакомства и попросила (глупо, но я сделала это) посидеть тихо. Тень, как всегда, всё поняла без слов и улёглась у двери, положив голову на лапы, но не сводя с меня глаз. Буря виляла хвостом, но, увидев моё серьёзное лицо, притихла.

Гостиная, очищенная от коробок в центре, казалась огромной и пугающей. Я отодвинула мебель к стенам, обнажив старый паркет. Сердце колотилось уже не от страха или волнения, а от странного, почти спортивного азарта. Я делала это. Я, Алиса, проводила магический ритуал. Это было так абсурдно, что стало смешно. Хихиканье сорвалось с губ, эхом отозвавшись в пустой комнате. Нервный смех идиотки, играющей в колдунью.

Я взяла кусочек мела. Он был холодным и оставлял на пальцах матовый след. Присев на корточки, я начала чертить. Первый круг. Он должен быть идеальным. Я вспомнила, как в детстве выводила циркулем окружности в геометрии. Здесь циркулем были моя рука и безумие. Линия получилась неровной, дрожащей. Я стёрла её подолом футболки и начала заново. На второй раз вышло лучше.

Затем — символы. Семь точек по кругу. Я сверялась с рисунком в тетради, стараясь скопировать каждую закорючку, каждый угол. Геометрические формы, переплетённые с биологическими, будто схемы клеток или кристаллов. Мел скрипел по дереву. В комнате стояла такая тишина, что я слышала своё собственное дыхание и далёкий гул холодильника на кухне. Я чувствовала себя не просто идиоткой. Я чувствовала себя ребёнком, который, играя, рисует на асфальте секретные знаки, веря, что они защитят от монстров под кроватью.

Но по мере того как круг замыкался, а символы занимали свои места, во мне что-то менялось. Абсурд отступал. Появлялось... уважение к процессу. Я концентрировалась на каждой линии, вкладывала в неё намерение — пусть смутное, пусть непонятное, но моё. Это была медитация. Действительная терапия. Боль, ярость, отчаяние — всё это отодвинулось, уступив место простой задаче: нарисовать правильно.

Когда последний символ был завершён, я отползла назад и села на пол, разглядывая свою работу. При слабом свете основной люстры круг и знаки выглядели призрачными, нереальными. Портал в другое измере на старом паркете моей гостиной.

Теперь оставалось расставить свечи. Я аккуратно вставила их в подсвечники (тоже бабушкины, оловянные, потёмневшие от времени) и разместила по точкам. Зеркало стояло напротив, и в его глубине отражался весь этот странный набор: круг, свечи, и я сама — бледная, с растрёпанными волосами, в простых домашних штанах.

Всё было готово.

Я взглянула на часы. Без пятнадцати двенадцать. Оставалось ждать.

Скепсис умолк. Отчаянная надежда тоже затаила дыхание. Осталось только странное, пустое спокойствие. Дело сделано. Мост подожжён. Оставалось только посмотреть, что будет по ту сторону. Или убедиться, что я просто потратила вечер на странный перформанс для самой себя.

Я подошла к окну, глядя на тёмный двор. Где-то там жили своей жизнью Миша и Лера. Где-то там мой бывший начальник строчил очередной бессмысленный отчёт. А здесь, в этой точке пространства, я, отвергнутая всем обычным миром, готовилась вызвать Того, Кто Даёт.

Это было безумие. Но это было моё безумие. И в этом, как ни парадоксально, был крошечный, первый за долгое время проблеск свободы.

Глава 10

Без пяти двенадцать. Тишина в квартире была звенящей, почти физически плотной. Я стояла посреди гостиной, босая, на холодном паркете, и смотрела на подготовленный круг. Семь свечей, семь странных символов, зеркало, в котором моё отражение казалось призрачным и далёким. Последний бастион здравомыслия отчаянно сигнализировало: «Остановись. Просто ляг спать».

Но я уже зашла слишком далеко. Это был пунктик. Если уж начала — нужно доделать. Как с тем самым отчётом, который привёл меня к увольнению. Только теперь ставки казались... иными.

Я взглянула на дверь спальни. Из-за неё доносилось беспокойное поскуливание и скрежет когтей по дереву. Тень и Буря не понимали, что происходит, но чувствовали моё напряжение, странную энергию, исходящую от нарисованного мелом круга. Они хотели быть рядом. Я же боялась не столько за них, сколько... за сам ритуал. «В полном одиночестве». Что, если их присутствие нарушит хрупкую конструкцию? Что, если они, не дай бог, ворвутся и сметут круг, или, что хуже, станут свидетелями моего полнейшего краха, если ничего не произойдёт?

— Тихо, ребята, — сказала я сквозь дверь, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Всё хорошо. Спите.

В ответ раздался более настойчивый лай Бури и глухое, тревожное ворчание Тени. Они чуяли. И их инстинкты кричали об опасности.

Мне пришлось сделать это. Я опустила защёлку на двери спальни. Звук щелчка прозвучал невероятно громко. На секунду за дверью воцарилась мёртвая тишина, а затем начался настоящий шторм. Отчаянный, испуганный лай, визг, яростный скрёб, будто они пытались выкопать проход сквозь массивную деревянную дверь. Сердце сжалось от боли. Я предавала их доверие, запирая, как посторонних. Но я не могла иначе.

— Простите, — прошептала я, отворачиваясь от двери. Их паника была ещё одним гвоздем в крышку гроба моих сомнений. Если даже животные так реагируют...

Я подошла к кругу. Ровно в полночь, как было указано, я зажгла первую свечу от обычной зажигалки. Пламя затрепетало, вытянулось жёлтым язычком. Вторую. Третью. Воздух начал нагреваться, запах воска стал гуще. С каждой свечой в комнате будто сгущалась ауфера ожидания. Четвёртая. Пятая. Шестая.

И вот седьмая. Я присела на корточки, чиркнула колесиком. Искра, огонёк. Я поднесла его к фитилю.

И в этот момент все семь свечей вспыхнули разом.

Не просто ярче. Они изменились. Жёлто-оранжевое пламя сжалось, позеленело и вспыхнуло холодным, ядовито-зелёным светом. Словно где-то внутри каждого фитиля вспыхнул кусочек медного купороса. Свет был не тёплым, а резким, кислотным, он не освещал, а проявлял комнату, отбрасывая густые, чёрные, неестественно чёткие тени. Моё дыхание перехватило.

И сразу же из-за двери спальни донёсся не просто лай, а настоящий, животный рёв Тени — низкий, полный такой первобытной угрозы, что по коже побежали мурашки. За ним, вторя ему, полился истеричный, взвизгивающий лай Бури. Они не просто волновались. Они видели или чувствовали то, чего не видела я. И это сводило их с ума от страха за меня. Дверь затряслась под тяжелыми ударами — это Тень пыталась вышибить её плечом.

Я замерла, оглушённая этим двойным ударом: зелёным адским светом и концертом ужаса моих собственных собак. Ритуал был реален. Он работал. И то, что он привлекал, было настолько чуждым и пугающим, что даже животные, не отягощённые знанием демонологии, впадали в панику.

Сердце колотилось где-то в горле. Пора было читать. Я развернула листок. Мои пальцы дрожали, и буквы плясали перед глазами. Я сделала глубокий, дрожащий вдох и начала читать слова призыва. Они были на смеси чего-то, что звучало как искажённая латынь и славянские корни, вывернутые наизнанку. Звуки были гортанными, шипящими, они резали язык и заполняли рот вкусом железа и пепла.

Я читала, стараясь выговаривать каждый слог, преодолевая вопли за дверью и леденящий душу зелёный свет. Воздух в комнате начал двигаться. Не от сквозняка — окна были закрыты. Он закручивался, тяжелел, становился вязким, как сироп. Давление в ушах нарастало.

Я читала громче, почти крича, чтобы перекрыть лай и нарастающий гул в собственной голове. В зеркале напротив моё отражение поплыло, исказилось, будто я смотрела на себя сквозь толщу мутной воды. А потом за моей спиной в отражении начало сгущаться что-то тёмное.

Я не могла остановиться. Ритуал требовал дочитать до конца. Последние слова сорвались с моих губ с силой, которую я в себе не подозревала:

«... через врата прошлого и будущего! Да будет так!»

Я закончила. Тишина.

На долю секунды воцарилась абсолютная, оглушающая тишина. Даже собаки за дверью замерли, будто подавленные внезапным вакуумом.

И тогда зелёное пламя свечей взметнулось к потолку, слившись в одну ослепительную вспышку. Я зажмурилась. Когда открыла глаза, пламя снова горело ровно, но теперь оно было тёмно-багровым, как запёкшаяся кровь.

А в центре круга, куда я боялась смотреть, стояла Тень.

Не метафорическая. Очень даже плотская. Или почти плотская.

Глава 11

То, что появилось в круге, не было расплывчатой тенью или призрачным силуэтом. Это была плотность. Абсолютная, тяжёлая, давящая своим присутствием материя, которой не должно было существовать в моей гостиной с потрескавшимися обоями.

Кожа. Не красная, как на дешёвых картинках. Цвета тлеющих углей — глубокий, пепельно-серый с прожилками тусклого, зловещего багрянца, проступающего изнутри, будто под тонкой плёнкой пульсировала раскалённая магма. Она выглядела прочной, как старая, потрескавшаяся от жары кожа, но в то же время живой и горячей. От него исходил сухой жар, как от раскалённой печи.

Волосы. Они не просто были рыжими. Это был медно-красный поток, тяжёлый и густой, ниспадавший на широкие плечи и частично на лицо. Они не лежали смиренно — они слегка колыхались, будто в невидимом потоке горячего воздуха, отливая в кроваво-багровых отсветах пламени свечей.

Крылья. Огромные, кожаные, как у исполинской летучей мыши, но мощнее, с едва заметной чешуйчатой текстурой. Багрового оттенка, словно вымоченные в вине и высушенные на адском солнце. Он держал их полураскрытыми, а затем, с раздражённым, почти бытовым жестом, ловко подобрал, сложив за спиной, как плащ, чтобы массивные изгибы не задели границы круга. Этот небрежный, практичный жест был пугающе человеческим на фоне всего остального.

Рога. Два массивных чёрных рога, тяжёлых и острых, словно выточенных из обсидиана, выходили из висков, закручиваясь назад и вверх, наподобие бараньих. Они были покрыты тонкими, едва заметными спиральными бороздками и отбрасывали на стену за его спиной длинные, искажённые, пляшущие тени, которые казались живыми.

И глаза. Боже, глаза. В них не было ни белка, ни зрачка. Только раскалённая лава — мерцающая, переливающаяся алым и золотом бездонная пропасть ярости. Они пылали, и этот взгляд был физическим ударом. Он не смотрел на комнату. Он пожирал её. И вот теперь этот взгляд медленно, с невыносимым весом, сместился на меня.

Собаки за дверью на секунду затихли, подавленные внезапным, чудовищным давлением, исходящим из гостиной. В тишине был слышен только их прерывистый, хриплый храп. А потом... раздался звук, от которого кровь застыла в жилах. Не лай. Не рык. Это был вой. Длинный, пронзительный, полный абсолютного, первобытного ужаса. Вой Бури, в котором слышалось щемящее отчаяние. И тут же к нему присоединился рёв Тени — не предупреждающий, как раньше, а яростный, полный безумной решимости. Послышались яростные удары о дверь — уже не лапами, а всем телом. Они рвались сюда, невзирая на страх, готовые разнести преграду в щепки.

Демон — потому что это не мог быть никто иной — слегка повернул голову в сторону шума. Его губы, тонкие и тёмные, приоткрылись, и раздался голос. Он звучал не ушами, а внутри черепа, низкий, с густым, как смола, бархатным тембром, в котором клочкотали тысячи сдержанных гроз.

«Какие... назойливые твари», — прозвучало у меня в сознании. И в словах была не злоба, а бесконечное, пресыщенное раздражение. Как у человека, которого разбудили среди ночи из-за ерунды.

Затем его взгляд вернулся ко мне. Лава в его глазах закипела ярче. Он сделал шаг вперёд, к самой границе круга, и я почувствовала, как жар усиливается, запахло серой и опалённым металлом. Его крылья слегка вздрогнули.

«Кто... — голос проскрежетал по моим нервам, — осмелился выдернуть меня из небытия? Кто, смертная, призвал Каина?»

Он назвал своё имя. Каин. Оно прозвучало как приговор, как раскат грома в маленькой комнате. И вместе с именем пришло осознание всей глубины моего безумия. Это не дух, не призрак. Это что-то древнее, могущественное и бесконечно злое. И оно сейчас здесь, в шаге от меня, за решёткой из мела и свечей, которую я нарисовала дрожащей рукой.

Я не могла говорить. Горло сжалось. Ноги стали ватными. Всё, на что я была способна, — это стоять и смотреть в эти пылающие глаза, слушая, как мои собаки сходят с ума за дверью, пытаясь спасти меня от кошмара, который я сама на себя навлекла.

Я переступила грань. И теперь по ту сторону стоял он.

Глава 12

Ужас сковал меня ледяными тисками. Я не могла пошевелиться, не могла отвести взгляд от этих пылающих глаз. Вся моя дерзость, всё отчаяние, толкнувшее меня на этот шаг, испарились, оставив лишь первобытный, животный страх перед хищником. Воздух был густым и горьким от запаха серы, каждый вдох обжигал лёгкие.

Каин стоял неподвижно, но от него исходила такая мощная, подавляющая воля, что мне хотелось прижаться к полу, спрятаться. Его крылья, даже сложенные, казались огромными, заполняющими половину комнаты. Рога отбрасывали на стене тени, похожие на трещины в самой реальности.

За дверью бушевал ураган отчаяния. Дерево трещало под ударами мощного тела Тени, визг и вой Бури сливались в один сплошной звук страха. Они чувствовали мою панику и реагировали на неё с удесятёрённой силой.

«Я задал вопрос, смертная», — его голос ворвался в мою голову, на этот раз острее, режущее. Он не повышал тона, но в каждом «слове» слышалось нетерпение, перерастающее в ярость. «Твой немой ужас раздражает меня больше, чем лай этих тварей. Говори. Или я сотру этот жалкий круг и найду ответ в твоих мыслях, выскоблив их из черепа».

Он сделал ещё один шаг к границе круга. От его ног, обутых в нечто, напоминающее сапоги из той же тёмной кожи, исходил лёгкий дымок. Мел, из которого был начерчен круг, начал светиться тусклым, тревожным сиянием.

— Я... я вызвала, — выдавила я наконец. Голос был хриплым, чужим, полным трепета. — Мне нужно... желание.

Последнее слово прозвучало как жалкая пародия на могущество, которое стояло передо мной.

Каин медленно, с преувеличенным сарказмом, склонил голову набок. Его медно-красные волны колыхнулись. «О. Желание. Конечно. Вы все хотите. Всегда хотите. Как дети, тянущиеся к огню». Он протянул руку. Его пальцы были длинными, с острыми, тёмными ногтями, похожими на когти. Он не касался границы круга, но от его ладони исходили волны сконцентрированного жара. Воздух над линией мела заколебался, как над раскалённым асфальтом.

«Правила связывают меня. На сей раз», — прошипел он, и в его «голосе» прозвучало отвращение к этим самым правилам. «Одно желание. Один раз. Мера за меру. Твоя воля — ключ. Моя сила — исполнение. Говори. Желай. Пока моё терпение не лопнуло, и я не решил, что твоя душа будет достаточной платой за беспокойство».

Он торопил. Каждая секунда моего молчания, каждая доля нерешительности будто подливали масла в костёр его гнева. Энергия в комнате сгущалась, становилась осязаемой. Она вибрировала в воздухе, звенела в ушах, заставляла волосы на руках вставать дыбом. От свечей с багровым пламенем потянулись тонкие, чёрные нити дыма, которые сплетались в причудливые, меняющиеся узоры над головой демона. Давление нарастало, будто перед грозой. Я чувствовала его физически — на своих плечах, на груди, сжимающее рёбра.

Я вся дрожала. Мелкая, неконтролируемая дрожь, от которой стучали зубы. Но отступить было некуда. Дверь назад — в мир, где меня предали, — была заколочена. Впереди — только он. И круг, который казался теперь не защитой, а клеткой, в которую я сама загнала тигра.

Мне нужно было желание. Любое. Просто чтобы это закончилось. Чтобы он ушёл. Чтобы этот кошмар прекратился. Мыслей не было. Только паника и всепоглощающее одиночество, острее, чем когда-либо. Одиночество, которое усугублялось диким концертом верности за дверью. Они там, они готовы разнести всё ради меня, а я здесь, одна, лицом к лицу с воплощённым ужасом.

— Желай! — на этот раз его рык прозвучал не только в голове, но и в ушах, оглушительно, заставляя вздрогнуть. Свечи вспыхнули ярче, тени рванулись к стенам. В зеркале за его спиной на мгновение мелькнуло не его отражение, а что-то бесформенное и многоглазое.

Я открыла рот. Губы онемели. Из груди, из самой глубины, где клочкотала боль от предательства, страх перед будущим и леденящая пустота, вырвалось единственное, что оставалось. Единственное, чего мне не хватало больше всего в этой вселенной, полной лжи и боли.

Но сказать я это ещё не успела. Я только вдохнула, чтобы произнести. А он уже смотрел на меня, и в его взгляде, полном лавы, на миг промелькнуло нечто, кроме ярости — что-то вроде холодного, аналитического любопытства. Он улавливал моё намерение ещё до того, как оно становилось словом.

И тишина в комнате, разрываемая только яростным боем за дверью, стала ещё более невыносимой.

Глава 13

Ком в горле. Сухой, колючий, не дающий вздохнуть. Я смотрела на него, на это воплощение древнего гнева, и видела в его глазах не просто ярость. Видела пресыщение. Скуку бессмертия, для которого моё жалкое существование — ничтожная помеха. Он был выше моей боли. Выше моего предательства. Я была для него пылью, случайно попавшей в шестерёнки вечного механизма, который ему теперь приходилось обслуживать из-за каких-то глупых правил.

И это окончательно добивало. Быть уничтоженной — страшно. Быть проигнорированной — невыносимо.

А за дверью... за дверью бушевала любовь. Настоящая, не требующая ничего взамен. Та, что ломала дерево когтями и рвала голосовые связки в клочья, лишь бы добраться до меня. Каждое глухое «бум» от удара тела Тени о массивную дверь отдавалось в моих рёбрах. Каждый истеричный, сорванный визг Бури резал слух острее любого демонического шёпота. Они не знали о правилах, о мерах, о желаниях. Они знали только, что я там, где им пахло опасностью. И они рвались в бой.

Их отчаянная, безусловная преданность стала последней соломинкой. Ту, что не сломала спину верблюда, а, наоборот, заставила его взбрыкнуть.

Что может быть сильнее древней магии? Сильнее правил, связывающих демона? Что может быть противоположностью этой леденящей, вселенской ярости и скуки?

Любовь. Простое, человеческое, нерассуждающее чувство. Его не было в моей жизни. Оно было украдено, растоптано, выброшено на помойку вместе с моими иллюзиями. Но оно же сейчас билось за дверью, воя и скребя когтями.

Боль, страх, одиночество — всё смешалось в клубок и взорвалось из груди не криком, а сдавленным, раздирающим горло воплем, обращённым не столько к нему, сколько ко всей Вселенной, которая так со мной обошлась:

— Хочу быть любима!

Тишина.

Слово «любима» повисло в воздухе, странное, мягонькое, нелепое на фоне багрового свечения и серного смрада. Звук ударов и визга за дверью тоже на мгновение стих, будто и собаки замерли в недоумении.

Я стояла, судорожно глотая воздух, и понимала, что сказала не то. Я сказала не «отомстить», не «разбогатеть», не «вернуть всё как было». Я выпалила первое, что пришло в самый темный, самый незащищённый угол души. Желание не для одной себя. Оно было для нас. Для меня, для Тени, для Бури. Чтобы нас кто-то любил. По-настоящему. Безоговорочно. Чтобы кто-то сильный защитил. Заполнил эту зияющую пустоту, в которой мы сейчас барахтались.

Каин не шевелился. Его пылающий взгляд был прикован ко мне. Но что-то в нём изменилось. Не гнев утих. Появилось... недоумение. Такое глубокое и искреннее, что на секунду он перестал выглядеть вселяющим ужас владыкой преисподней, а стал похож на учёного, который только что обнаружил, что подопытная мышь внезапно заговорила сонетами Шекспира.

Его крылья, плотно прижатые к спине, дёрнулись. Он медленно, очень медленно, перевёл взгляд с моих дрожащих губ на дверь в спальню, откуда снова донеслось тихое, обеспокоенное поскуливание. Потом его глаза снова вернулись ко мне. В них klokотала лава, но теперь там плескались и другие оттенки: изумление, досада, и что-то вроде... оскорблённого профессионализма.

«Любима?» — мысль прозвучала в моей голове уже без рёва, а с плоской, лишённой интонации растерянностью. «Ты призвала Силу, что двигает материями, ломает воли и переписывает судьбы... чтобы быть... любимой?»

Он произнёс это слово так, будто это было название редкой, отвратительной болезни. В его тоне сквозило такое непонимание, что мне стало почти смешно. Истерический пузырь подкатил к горлу.

— Да! — выдохнула я, и в голосе впервые за весь этот кошмар прозвучали не страх и не покорность, а вызов. Жалкий, треснутый, но вызов. — Хочу. Нас. Любили.

Каин замер. Казалось, он перебирал в своей бесконечной памяти все договоры, все правила, все возможные лазейки. Но мое желание было сформулировано. Пусть глупо, пусть инфантильно, но сформулировано. И правила, эти ненавистные ему цепи, уже начали сдвигаться.

На его лице, на этом каменном, угольном лице, появилось выражение крайнего раздражения, смешанного с брезгливым любопытством. Он будто взял в руки кусок гнилого мяса, которое теперь по контракту обязан был превратить в золото.

Он поднял руку. Не ту, что с когтями. Другую. Его пальцы сложились в странную, болезненного вида фигуру, будто ломая невидимые прутья.

— Указ, — проскрежетал он. И это было не просто слово. Это был приказ самой реальности.

И всё изменилось.

Глава 14

Каин смотрел на меня с тем выражением безразличного недоумения, будто я только что попросила его, повелителя бездны, починить протекающий кран. Лава в его глазах на мгновение потухла, уступив место холодному, отстранённому свечению, похожему на свет далёкой и мёртвой звезды.

Искажённые губы, напоминающие трещину в скале, дрогнули, приподнявшись в одном углу. Это была усмешка. Но не человеческая — без тени тепла, юмора или даже злорадства. Это был жёсткий, механический изгиб, выражающий лишь глубочайшее презрение и профессиональную досаду. Как у хирурга, которого заставили зашивать царапину.

«Как нелепо», — промелькнуло в моём сознании, но уже не его голосом, а словно эхо его мысли.

Он не стал готовиться, не произнёс заклинания на древнем языке. Он просто сделал пасс рукой. Резкий, отрывистый жест, будто отмахиваясь от назойливой мухи. Его пальцы с острыми ногтями рассекли воздух перед ним.

И в тишине комнаты, надрывной после его слов, я услышала звук. Не громкий, но отчётливый, пронизывающий до костей. Щелчок. Точный, металлический, как будто в самом механизме мироздания, прямо над моей головой, сдвинулась и встала на место одна-единственная, невероятно огромная шестерёнка. Звук был сухим, окончательным. Приговор приведён в исполнение. Документ скреплён печатью.

Моё желание. Моё глупое, детское, отчаянное желание — было учтено.

Каин опустил руку. Его фигура начала терять плотность, расплываться, как мираж на жаре. Он смотрел на меня в последний раз, и в его взгляде уже не было ничего — ни ярости, ни любопытства. Только пустота. Бездна, в которую я только что бросила свой крик о любви.

«Желание исполнено», — прозвучало в голове, но голос был уже далёким, эхо из быстро закрывающегося тоннеля. «Больше не беспокой меня, смертная. Твой жалкий удел — теперь твоя забота».

И он исчез. Не растворился в дыму, не провалился сквозь пол. Просто его не стало. В одну секунду он был — в следующую его место заняла пустота. Багровый свет свечей погас, они стали обычными восковыми огарками с тлеющими жёлтыми язычками, которые тут же задымались, наполняя комнату знакомым запахом палёного фитиля.

Темнота. Глубокая, внезапная, после ослепляющего свечения. Давление, сжимавшее комнату, рассеялось так быстро, что у меня заложило уши. Воздух стал лёгким, холодным, обычным. Только запах серы висел лёгким напоминанием.

Тишина. Абсолютная. Лай, вой, удары в дверь — всё прекратилось в тот же миг. За дверью воцарилась мёртвая, настороженная тишина.

Я стояла одна в центре гостиной, перед потухшим кругом. Свет от одной лампы, который я включила перед ритуалом, казался теперь тусклым и жалким. Всё тело дрожало мелкой, посттравматической дрожью. Сделано. Он ушёл. Я выжила.

Но облегчения не наступило.

Вместо него пришло другое чувство. Смутное, ползучее, как щекотка паутины на коже. Оно витало в воздухе, осело в углах комнаты, пропитало старую мебель. Чувство, будто в комнате кто-то остался. Не демон. Нечто другое. Невидимое, но ощутимое. Как тихий вздох за спиной, когда ты уверен, что один в помещении. Как лёгкое движение воздуха, которого не может быть. Оно не было враждебным. Оно было... присутствием. Тяжёлым, внимательным, чужим. Как будто моё желание не просто было услышано, а что-то оставило здесь, в залог. Или как наблюдателя.

Я обернулась, резко, ожидая увидеть тень в углу. Ничего. Только знакомые очертания серванта, дивана, зеркала. Но ощущение не проходило. Кто-то был здесь. Не ушёл до конца.

И этот кто-то теперь смотрел на меня из самой темноты, из самого воздуха, из глубины только что свершившейся магии. И ждал.

Глава 15

Я проснулась от того, что в щель между шторами ударил луч солнца — жёлтый, наглый, бытовой. Он лежал прямо на моих веках, заставляя моргнуть. Сознание возвращалось медленно, тягуче, как будто выныриваешь из глубокой, мутной воды. Первой мыслью было: «Кошмар. Какой же дикий, яркий, подробный кошмар».

Я лежала на полу в гостиной, закутавшись в бабушкин плед. Тело ныло от неудобной позы, во рту был противный привкус палёного воска и страха. Я потянулась, и под ладонью скрипнул паркет. Глаза медленно фокусировались на потолке, на знакомой трещине в форме молнии. Всё как всегда. Тишина. Спокойствие. Обычное утро.

И тогда память ударила обухом.

Отрывки. Зелёное пламя. Голос в голове. Плающие глаза. Усмешка. Щелчок. Я вскочила, сердце бешено заколотилось, и взгляд метнулся к центру комнаты.

Круг.

Он всё ещё был там. Только теперь линии, начертанные горным мелом, выглядели иначе. Они не были просто стёртыми или размазанными. Они были опалёнными. Будто по ним провели паяльной лампой, спекши мел и дерево в единую тёмную, стекловидную полосу, вдавленную в паркет. Символы на семи точках почернели, как печатные знаки на древнем документе, скреплённом огнём. От них всё ещё слабо, едва уловимо пахло озоном — чистым, как после грозы, и серой — грязной, как из глубины земли. Запахи смешивались в противоречивый, тревожный букет.

Значит, не сон.

Я медленно подошла, босая ступня коснулась тёплого, неестественно гладкого места на паркете. Тепло ещё не успело уйти. Я присела, провела пальцами по чёрному стекловидному следу. Он был реальным. Осязаемым. Как шрам.

И тогда я почувствовала это внутри. То самое смутное ощущение с ночи не исчезло. Оно укоренилось. В груди, прямо под рёбрами, поселилось что-то тяжёлое, тёплое и абсолютно чужое. Это не было похоже на эмоцию — не радость, не печаль, не тревога. Это было похоже на физический объект. На якорь. Да, именно. Как будто к моему одиночеству, к той ледяной, бездонной пустоте, что образовалась после изгнания Миши и Леры, приковали массивный, тёплый якорь. Он не заполнял пустоту. Он просто был там, в самой её середине, тяжёлый и не принадлежащий мне. И от этого одиночество стало иным — не парящим в безвоздушном пространстве, а пришвартованным к чему-то невероятно прочному и древнему.

Я сидела на корточках, глядя на опалённый круг, и пыталась осмыслить. Я призвала демона. Демон исполнил желание. Желание было глупым. Что теперь? Что значит «быть любимой» в исполнении существа, для которого любовь — отвратительная болезнь? Я ждала, что в мир ворвется принц на белом коне или хотя бы появится тайный поклонник. Но мир остался прежним. Только в груди теперь был этот странный, тёплый груз.

Из спальни донесся звук — не лай, не скулёж. Тихий, осторожный скребок. Потом ещё один. Я подошла, отодвинула защёлку.

Дверь открылась, и на пороге стояли Тень и Буря. Они не бросились на меня, не виляли хвостами. Они стояли и нюхали воздух. Их носы вздрагивали, уши были напряжённо подняты. Тень медленно подошла, обнюхала мои руки, потом ткнулась мордой мне прямо в грудь, в то самое место, где был «якорь», и издала тихое, недоуменное «вуф?». Буря последовала её примеру, но после обнюхивания принялась старательно вылизывать мне ладонь, словно пытаясь смыть невидимый, чуждый запах.

— Всё нормально, — прошептала я, глядя их по головам. Голос звучал сипло. — Всё кончилось.

Кончилось ли?

Я накормила собак, сама сделала себе крепкий чай. Руки всё ещё слегка дрожали. Я пыталась думать о практичных вещах: нужно затеять шпаклёвку, заказать новые обои, серьёзно взяться за поиск работы. Но мысли уплывали, натываясь на то тяжёлое, тёплое чувство внутри. Оно отвлекало. Как тихий, но настойчивый гул трансформатора за стеной.

И тут зазвонил телефон.

Незнакомый номер. Но я знала, чей он. Знала интуитивно, кожей. Это был он. Миша. Видимо, отдышавшись за ночь, решил прояснить ситуацию. Оценить урон. Возможно, попытаться вернуть «инвестицию» в виде моей покорности.

Я взяла трубку. Не из желания поговорить. Из какого-то нового, холодного любопытства.

— Алиса. — Его голос звучал старательно-спокойно, но в нём слышалась трещина напряжения. — Ты, наконец, берёшь трубку. Послушай, вчера... всё вышло из-под контроля. Мы должны поговорить.

Я молчала. Прислушивалась. Не к его словам, а к себе. К своим чувствам. Я ждала, что проснётся боль, обида, ярость. Что сжаты кулаки и перехватит дыхание.

Ничего.

Была только тишина. И в ней — это новое, тяжёлое, чужое тепло в груди. А на того, кто говорил в трубку, не было вообще ничего. Ни ненависти, ни любви, ни сожаления. Пустота. Но не та, леденящая, отчаянная пустота прошлых дней. А равнодушная, чистая, как стерильный скальпель. Он перестал иметь для меня какое-либо значение. Совсем. Как стёртый файл. Как человек из давно забытого сна.

— Алиса? Ты меня слышишь?

— Слышу, — сказала я ровно, без интонации.

— Я понимаю, ты шокирована. Лера... она не хотела тебя обидеть. Мы оба. Мы просто... запутались. Нам нужно встретиться, обсудить всё цивилизованно. О квартире, о вещах...

Он говорил, подбирая слова, слова лживые и удобные. А я смотрела в окно на солнечное утро и чувствовала, как то чужое тепло в груди пульсирует в такт моему спокойному дыханию. Оно было реальнее его голоса. Значимее.

— Миша, — перебила я его. Голос был тихим, но в нём стояла такая сталь, что он на другом конце сразу замолчал. — Не звони мне больше. Никогда.

И я положила трубку. Не бросила. Аккуратно положила. Потом взяла телефон, нашла его номер в черном списке и добавила туда. То же самое с Лерой. Действия были методичными, беззлобными. Как уборка мусора.

Я поставила телефон на стол. Тень, наблюдающая за мной, подошла и положила голову мне на колени. Буря устроилась у ног. Я гладила тёплую голову стаффа, смотрела на солнечный луч, плясущий в воздухе, и чувствовала тот странный якорь в груди.

Желание исполнено. Но что-то пошло не так. Или, может быть, всё пошло именно так, как и должно было идти у демона. Я хотела быть любима. И теперь во мне жило что-то, что, возможно, и было этой «любовью». Только её источник был не из этого мира. И её природа была мне совершенно не понятна.

Утро было только началом. А якорь — он был тяжёл. И он явно был прикован к чему-то огромному и тёмному на другом конце.

Глава 16

Прошло три дня. Три дня странного, подвешенного состояния. Я пыталась наладить быт: заказала грунтовку и обои через интернет, написала свежее резюме, долго и утомительно гуляла с собаками в парке. Внешне всё возвращалось в колею. Внутри же продолжала тлеть тайна — тёп

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.